

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
22—24 мая 2014

Брифинг
СТИМУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА РОССИИ

23 мая 2014 — 09:45—11:00, Мерседес Бар

Санкт-Петербург, Россия
2014

Модератор:

Александр Любимов, Генеральный директор, «РБК-ТВ»

Выступающие:

Александр Галушка, Министр Российской Федерации по развитию
Дальнего Востока

Павел Грачев, Временно исполняющий обязанности генерального
директора, Polyus Gold International

Владимир Печеный, Губернатор Магаданской Области

А. Любимов:

Доброе утро, рад всех вас видеть. Я думал, мы самые ранние, оказалось, нет. Я сейчас послушал Игоря Ивановича Шувалова, который вернулся из Китая. Они с Александром Браверманом разговаривали за деловым завтраком о жилищном строительстве. Он рассказал о встрече с китайской корпорацией, которая строит миллиард квадратных метров жилья в год. Миллиард!

Я, собственно говоря, приближаюсь к нашей теме. Уж не знаю, санкции ли помогли или время пришло, но в многолетней практике отталкивания Востока в российской политике сейчас наметился некоторый перелом. Вот и оптимизм Шувалова мне очень понравился. Мы все, конечно, с большим интересом следили за событиями двух замечательных дней, которые наш Президент провел в Китае — с очень серьезными результатами. Так что тема нашей с вами встречи фундаментально интересна, поскольку теперь, кроме желаний, появляются еще и возможности. Надо только правильно выбрать партнеров и найти интересные области для инвестиций. Есть надежда, что не через год, конечно, но если мы будем обсуждать эту тему на нашем Форуме в течение ближайших трех—пяти лет, мы увидим колоссальный прогресс.

Конечно, хотелось бы сразу предоставить слово Александру Сергеевичу Галушке. Это наш давний товарищ, который хорошо знает бизнес-среду и ее регулирование. Его невероятные усилия по продвижению интересов бизнеса в российской политике наконец-то оказались востребованы, и его поставили руководить этим сложным участком. И пусть Александр Сергеевич расскажет, как он попытается решить эту непростую задачу.

А. Галушка:

Большое спасибо, Александр Михайлович.

Очень точный тезис насчет многолетнего отталкивания Азии, отталкивания того опыта, той практики успешного развития, которая там реализуется. И прежде всего я поделюсь своим выводом: это было отталкивание на интеллектуальном уровне, нежелание всмотреться в те практические модели деятельности, которые реализуются на Востоке. А они, между прочим, очень жизнеспособны и дают хорошие результаты.

У нас, к сожалению, нет практики исторической экспертизы — она как-то не укоренилась. На мой взгляд, очень полезно оглянуться в прошлое и посмотреть, о чем говорили 10—20 лет назад — про китайский опыт, про корейский. Тогда использовались какие-то стереотипы, заслоняющие тему. «Китай проходит этапы индустриализации и урбанизации, которые мы прошли в тридцатые годы, поэтому для нас его опыт неприменим». При чем тут это?! Или особые экономические зоны, по поводу которых, если вы помните, мы только в середине нулевых наконец-то приняли закон (причем очень далекий от совершенства), хотя бы тогда двинулись по этому пути. А до этого все говорили: нет, для нас эта практика неприменима.

В этом плане очень показателен пример Японии, я только что коллегам об этом рассказывал. Вот Япония. Казалось бы, после Второй мировой войны — 40 лет успешного развития. Потом страна застыла, и 30 лет не было развития. Она просто находилась на прежнем уровне. И что произошло? Вместо второй экономики мира она стала третьей. США ослабли. Китай доминирует. И эта реальность конкуренции, с которой столкнулась Япония, заставила их многое пересмотреть. Мы видим новый курс, который проводится в этой стране: он даже название получил такое — «абэномика», по имени премьер-министра. Одним из приоритетов этого курса, например, является создание стратегических зон хозяйствования. В Японии 13 декабря прошлого года принят закон о создании таких зон, идея которых в том, что мы идем по пути изъятия из общих правил и возможности установления для этих зон иного регулирования, конкурентоспособного

регулирования. Не просто как у нас — знаете, иногда мы любим бросаться из крайности в крайность: начинается дерегулирование, давайте все отменим, а потом — ой, что-то взорвалось, давайте все зарегулируем обратно. А между этими двумя полюсами есть понятный, прагматичный путь, определяемый критерием конкурентоспособности.

Почему я привожу пример Японии? Эта страна столкнулась с трудностями — с тем, что лидерство утрачивается в силу неконкурентоспособности. Каков ответ на этот вызов? Быть конкурентоспособными! И важно осознать, что государство — это такой же производитель, как, скажем, производитель в бизнесе, только не товаров, а условий для развития бизнеса, условий для жизни граждан. А от того, способно ли государство создать конкурентоспособную юрисдикцию, и зависит это развитие.

В этой связи, на мой взгляд, главная трудность, с которой мы сталкиваемся на Дальнем Востоке, состоит в том, что возможности рядом огромные, а мы этим возможностям пока не соответствуем, не можем повернуться к ним адекватными, сильными сторонами. Пока что реализации этих возможностей мешают наши слабые стороны — например, неразвитая инфраструктура, неосвоенность территории, недостаточность человеческих ресурсов, высокие административные барьеры.

В то же время сложилось такое сочетание факторов, что все словно бы обнажено, все предельно ясно: либо мы идем на решительные шаги, на радикальные преобразования, и тогда мы можем рассчитывать на успех, либо мы продолжаем находиться в негативном тренде, который понятно куда ведет. Я думаю, что любой здравомыслящий человек, желающий блага своей Родине, никогда не сможет принять этот тренд. Как так можно? Вокруг все развивается, а у нас ничего не развивается — или недостаточно развивается.

Поэтому мы именно так формулируем нашу задачу — и, со своей стороны, естественно, формулируем на нее деятельные, прагматичные, практические ответы. Я могу о них сейчас сказать — или позже?

А. Любимов:

Я думаю, если это ментальная проблема, то это к ФСБ: они формируют ментальность руководства.

А. Галушка:

Не думаю.

А. Любимов:

Они же пишут бесконечные записки про то, что китайцы захватывают Дальний Восток. Я вот ездил по Дальнему Востоку (не в последние два-три года, но лет пять-семь назад) и этой китайской угрозы, честно говоря, не увидел. Несчастные китайцы, которые пытаются нелегально выращивать огурцы вдоль железной дороги — их я видел. А так вообще все там наше, родное — и страдающее от отсутствия нашего внимания.

Видимо, надо выбирать, в каком направлении двигаться: как правильно наклонить самолет, чтобы удар атаки был более точным. Вот я попросил бы Александра Сергеевича подробнее разъяснить нам, кто у нас будет партнером. С Японией у нас, я так понимаю, ничего не выйдет: политическая история, совместное управление Курилами. Но надо же дать какой-то радикальный, как это сейчас модно говорить, сигнал, чтобы кто-то пришел! Давайте будем, допустим, догонять Японию. Китай будем догонять. Либо, раз сейчас мы дружим с Китаем, будем продолжать строить с Китаем альянс по линии газа и не только. Каково направление главного удара? Чтобы мы, инвесторы, заинтересованное бизнес-сообщество почувствовало, куда ему двигаться, так сказать, где фишка, где будут

деньги, где будет бизнес. Ведь лететь туда далеко, так что надо понимать зачем.

А. Галушка:

Хорошо. Я только сразу прокомментирую насчет ФСБ. Даже тот аргумент, почему мы не можем использовать опыт азиатских стран и Китая при реформировании российской экономики, который я процитировал, — этот аргумент приводила не ФСБ, а Джеффри Сакс. Можно посмотреть его работы, они переведены на русский язык, это один из идеологов монетаризма, так что к ФСБ это никакого отношения не имеет. Это первое.

Второе — относительно отсутствия внимания. Это действительно так. Я вот, например, очень ясно понимаю, что многие проблемы Дальнего Востока связаны с тем, что руки не доходят. И вот создание такого министерства, как Министерство по развитию Дальнего Востока, и призвано восполнить этот пробел, спрямить путь между тем, что делается на федеральном уровне, и проблемами и возможностями развития, которые есть на Дальнем Востоке, соединить их именно на практике.

Третье — насчет направления дальнего удара. Я их сейчас назову три и все три прокомментирую.

Во-первых, с точки зрения государственного управления основным инструментом практической реализации разных политик у нас является государственная программа. У нас их много, 40 штук. Мы с некоторым удивлением обнаружили, что никто никогда не проводил анализ того, как в разных госпрограммах у нас представлен Дальний Восток. Что представляет собой Дальний Восток в наших различных государственных программах? Мы провели такой анализ, и стало ясно, что по целому ряду программ, причем именно социально-экономического свойства, Дальний Восток, по сравнению даже со средними показателями по России, удельно, в пересчете на одного человека, во много раз недофинансирован. Во много

раз! И когда мы приезжаем в Амурскую область, например, и видим, что там нет ни одного крытого катка и один-единственный бассейн на всю область, когда мы приезжаем в Камчатский край и видим износ здания больницы 80%, а край берет кредит в «Сбербанке», чтобы эту больницу построить, — значит, что-то не так! И получается, что декларируемый приоритет на развитие Дальнего Востока сегодня практически не подкреплен в государственных программах.

Минвостокразвития наделено новыми полномочиями по согласованию всех госпрограмм, и мы считаем очень важной для себя работу по устранению этого дисбаланса и обеспечению реального приоритетного финансирования Дальнего Востока — хотя бы на уровне, среднем для России. Ведь есть вопиющие случаи, когда, например, по программе «Культура» или по программе «Наследие» на Дальний Восток выделяется ноль рублей. Неужели там больше не нужны музеи и театры? Как мы к людям относимся?! Это абсолютно ненормально. И ресурс развития связан с экономически обоснованным, разумным перераспределением тех ресурсов, которыми мы располагаем на освоение и развитие Дальнего Востока. Это первое.

Второе. На Дальнем Востоке есть инвестиционные проекты. Да, в основном они носят ресурсный характер. Но не только. Они уже и с переработкой связаны, с развитием нефтехимии и газохимии. Эти проекты существуют. О них говорится годами. Все их хорошо знают. Но эти проекты никак не начнут реализовываться. И вот какую работу мы выполнили в министерстве. Мы специально погрузились в эти проекты до деталей, до мелочей, до подробностей, критически важных для их успешной реализации. В общей сложности мы проанализировали более 400 таких потенциальных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, отобрали из них наиболее эффективные и готовые к реализации. Наиболее эффективных оказалось всего 23, и 16 из них готовы к практической реализации. Так вот эти 16

проектов, которые даже достаточно известны (мы понимаем, что их будет больше, мы уже сегодня видим к ним хорошее дополнение), дают более 2 триллионов рублей небюджетных инвестиций. Это мощный ресурс развития Дальнего Востока. И пока каждый проект не будет подробно рассмотрен, невозможны рассуждения о бюджетном правиле, о макроэкономике. Это совсем другая история, это микроэкономика, проектная экономика, я бы даже сказал, своего рода экономическая инженерия. Когда ты берешь конкретный проект, у него есть свой профиль проблем, профиль рисков, рынки сбыта, своя потребность в инфраструктуре, потребность в кадрах, проблемы в социальной инфраструктуре, которая его обеспечивает. Они у каждого проекта свои. И пока ты до этих деталей и подробностей не дойдешь, нет смысла говорить общие слова о том, как хорошо было бы развивать инвестиционные проекты на Дальнем Востоке: не будут они развиваться. Так вот, мы не просто дошли до этих деталей и подробностей — мы построили новую федеральную целевую программу вокруг инвестиционных проектов, вокруг конкретных мероприятий, которые обеспечивают их практическую реализацию, и вокруг необходимых для этих мероприятий бюджетных инвестиций.

Что интересно, когда мы составили смету на эти мероприятия со стороны государства и все посчитали, выяснилось, что на 2,2 триллиона рублей небюджетных инвестиций нужно более 130 миллиардов рублей из бюджета. Два триллиона — и сто тридцать миллиардов. Это соотношение примерно один к шестнадцати — один к семнадцати. Это очень хорошее соотношение, очень хороший мультипликатор.

Сегодня нами подготовлена федеральная целевая программа, ядром которой становится именно поддержка таких проектов. Это второй приоритет развития: когда иностранные инвесторы (я перейду сейчас к третьему приоритету, он связан с привлечением иностранных инвесторов) не видят активности даже в своих национальных проектах, а видят, что не

реализуются даже очевидные проекты, которые пытаются реализовать российские компании — это оказывается для них плохим сигналом. Поэтому второй и третий приоритет тесно связаны.

И третий приоритет — это привлечение прямых иностранных инвестиций и новых российских инвестиций в несырьевые секторы. Он связан, прежде всего, с созданием территорий опережающего развития. Идея этих территорий состоит в том, что для конкретно выделенной и сформированной территории появляется возможность убирать общее регулирование, которое неэффективно, несостоятельно с точки зрения глобальной конкурентоспособности, убивает нашу юрисдикцию, убивает развитие. На такой территории устанавливаются иные регуляторные практики. А мы можем взять в Азиатско-Тихоокеанском регионе лучшие технические регламенты, градостроительные решения, таможенные процедуры и внедрить их на этой территории опережающего развития.

Это эксперимент, безусловно. Но посмотрите: страны Азии активно экспериментируют. Мы только что были с Президентом в Шанхае. Особые экономические зоны в Китае очень успешны, их создано много. А в Шанхае создается зона нового типа, с еще большей де бюрократизацией, с еще большим дерегулированием. В Китае по каждой особой экономической зоне даже принимается отдельный закон. По каждой зоне! Такое у них селективное регулирование.

Я приводил пример Японии с ее законом о стратегических зонах хозяйствования. Первые шесть они уже создают. Происходит то же самое: они идут по пути изъятия общих правил и возможности пробовать иное регулирование. Такая идея — это даже не идея дерегулирования, она несколько иная: это идея конкурентоспособного регулирования. Что дает подобное регулирование? Либо мы его создаем и получаем инвестора, получаем ресурс развития. Либо мы этого не делаем, и тогда у нас упущенная выгода. Мы проиграли конкуренцию и имеем упущенную выгоду,

даже не только экономическую, а национальную. Вот это третий приоритет развития.

В дополнение к дерегулированию, к конкурентоспособному регулированию нужны налоговые льготы, налоговые стимулы. Во-первых, это налоговые каникулы. На какой-то период времени нужно дать новому инвестору возможность раскрутиться, окупить инвестиции, а потом уже брать с него налоги. Подчеркиваю, это не снижение налогов навсегда.

То же самое в Азиатско-Тихоокеанском регионе: мы видим успешность такой налоговой политики. Яркий пример — судостроение в Корее. Дали налоговые льготы — возникло судостроение. Потом льготы закончились, а судостроение осталось. Это не снижение налогов на всю жизнь. И вот в налоговой части очень важно провести такой раздел: для новых инвестиций — налоговые каникулы. И очень серьезные: налог на прибыль — ноль, налог на имущество — ноль (в первые пять лет), страховые взносы низкие, налог на землю — тоже нулевая ставка. И льготы по НДС, если брать ресурсные налоги.

Вот три основных приоритета, три главных направления удара. Первый — нормальное финансирование Дальнего Востока из госпрограмм. Второй — запуск инвестиционных проектов. Третий — привлечение новых инвесторов, в том числе иностранных.

На взгляд Министерства по развитию Дальнего Востока, это дает ответ на главный вопрос: где взять ресурс для развития этой большой территории? Вот таким образом, последовательно работая по этим трем направлениям, мы сможем привлечь ресурс, адекватный масштабу этой сверхзадачи — подъема и ускоренного развития Дальнего Востока.

А. Любимов:

Большое спасибо, Александр Сергеевич. Я позволю себе один вопрос. Понятно, что сейчас все это шьется на живую нитку, Вы только недавно

назначены. А каковы сроки того, когда все эти государственные маркетинговые продукты Дальнего Востока станут, условно говоря, понятны бизнесу (иностранному, русскому — неважно), когда осуществится эта целевая программа, когда будут созданы институты развития, агентства, фонд и прочее — все, что должно функционировать в структуре подминистерства? Когда будет понятно, сколько и куда государство вложит денег на самом деле, где оно будет себя, так сказать, проецировать, на какие сферы деятельности? Предположим, мы встречаемся здесь через год. Мы уже что-то делаем или еще только обсуждаем детали того, как мы будем это делать?

А. Галушка:

Спасибо Вам, Александр Михайлович, за очень хороший вопрос. Лично у меня этот вопрос попадает в самую десятку. Объясню почему. Я по-человечески никогда на госслужбу не рвался. Никогда. И считаю, что делать все нужно адекватно и оперативно. Мне кажется, что мы движемся медленно. Коллеги мне говорят, что не медленно, а быстро. Но у меня все равно возникает внутренняя неудовлетворенность, мне хотелось бы все это сделать быстрее, я Вам честно говорю. И важно, что мы не просто как одна команда, а по-настоящему одна команда с Юрием Петровичем Трутневым: у нас есть и специальный вице-премьер, полпред, который этим занимается. Мы работаем вместе, мы одна команда. Прошло восемь месяцев, как мы начали этим заниматься — и за то время кое-что уже сделано. А хотелось бы сделать больше. Вот Вы говорите — обсуждать проекты. Но существует определенная система принятия государственных решений и определенные регламенты, по которым мы стараемся продвигаться максимально быстро.

А. Любимов:

Есть и радикальный способ: если бы можно было, например, объявлять санкции в отношении частей территории государства и, скажем, объявить санкции в отношении европейской части России — вот тогда у вас дело пойдет сразу, пойдут государственные решения.

А. Галушка:

Особая система управления развитием Дальнего Востока, наверное, создана не случайно: есть и заместитель Председателя Правительства, полномочный представитель Президента, специальное Министерство, правительственная комиссия. Председатель Правительства каждый месяц проводит связанные с этим мероприятия.

Но если говорить по фактам сегодняшнего дня, то нами подготовлена и 30 апреля направлена в Правительство Российской Федерации Федеральная целевая программа. Это не наши идеи по поводу программы, а уже готовый проект программы.

Территории опережающего развития. С одной стороны, подготовлен сам законопроект о территориях опережающего развития — это я не рассказываю вам идею законопроекта, который еще не написан: он также направлен в Правительство Российской Федерации 21 мая, на этой неделе, при всех разногласиях с иными федеральными органами исполнительной власти. Кроме того, наши коллеги провели полевой аудит Дальнего Востока и отобрали те площадки, которые сегодня по своим стартовым условиям лучше всего подготовлены для создания на этих площадках территорий опережающего развития. Это тоже конкретная прикладная работа, которая проведена на сегодняшний день.

Если говорить об институтах развития, то в первую очередь нам наконец-то нужно запустить Фонд развития Дальнего Востока, который существует уже два с половиной года, но за это время не произвел ни одной сделки. Конечно, это ситуация неприемлемая. Мы считаем, что нужно создать и

иные институты развития. Все предложения с нашей стороны опять же проработаны, подготовлены и уже находятся в Правительстве Российской Федерации.

Отвечу на Ваш вопрос о том, что будет через год: через год, я думаю, мы просто обязаны обсуждать уже конкретные первые дела и результаты.

А. Любимов:

Большое спасибо.

Ну что, коллеги, теперь взгляд с Дальнего Востока. Начнем с бизнеса или с властей, как вы считаете?

Из зала:

Наверное, с бизнеса.

А. Любимов:

Давайте. Павел Сергеевич Грачев, компания Polyus Gold, руководитель, человек, который видит ситуацию изнутри. Понятно, что руда — это наша сильная сторона, и ясно, что она будет одним из ключевых мест приложения усилий во всех планах, о которых говорил Александр Сергеевич. Вам слово.

П. Грачев:

Спасибо.

Хочу выразить поддержку и одобрение всего того, что делает Минвостокразвития, от лица бизнеса и, надо добавить, как бывший руководитель упомянутого Фонда развития Дальнего Востока, хотя я и руководил им лишь недолго. До недавнего времени региону уделялось недостаточно внимания. Решать многочисленные накопившиеся проблемы было бы очень сложно без специализированного министерства, без людей,

которые 24 часа в сутки, 365 дней в году занимаются именно этой частью нашей страны, посвящают этому все свое время и видят в этом развитии свой основной KPI. Поэтому сам факт создания Министерства и назначения туда людей такого уровня — это, безусловно, правильное решение. Правильны и те инициативы, которые Александр Сергеевич, его коллеги и Юрий Петрович Трутнев начали реализовывать с конца прошлого года, и выбранные направления деятельности.

Что бы мне хотелось сказать и, может быть, внести в нашу дискуссию ноту полемики и конструктива? Любые инициативы, любые системные нормативные решения должны проводиться с пониманием, каковы источники их фондирования. Почему не работали и не заработали те инструменты, которые не первый год придумываются, применяются, до сих пор существуют в стране, в первую очередь — на Дальнем Востоке? У нас же были и есть особые экономические зоны, у нас есть закон о региональных инвестиционных проектах, у нас есть масса инструментов, на обсуждение которых потрачено много времени, в том числе на прошлом и позапрошлом Петербургском экономическом форуме. О них сейчас никто не вспоминает, потому что у этих инструментах нет источников финансирования. Даже если речь идет о налоговых льготах, в том числе о региональных налоговых льготах, надо понимать, каким образом регионы будут компенсировать выпадающие источники дохода. И пока такого понимания нет, никакие нормативные акты, никакие законы на эту тему работать не будут. Их либо просто не будут применять, либо в них, как в законе о региональных инвестиционных проектах, будет вставлено такое количество скрытых препятствий, что применять их инвестору или чиновнику, который подписывает соответствующие бумаги, станет, скажем так, просто опасно для жизни. Так что в первую очередь это реплика в адрес Министерства финансов. Но у государства должна быть добрая воля и понимание того, каким образом эти инициативы будут финансироваться,

потому что в противном случае это мертвая буква закона и, скажу прямо, пустая трата времени и ресурсов на обсуждение подобного рода инициативы.

Это касается и Федеральной целевой программы. Мы ее, конечно, приветствуем, и, честно говоря, я впечатлен тем, с какой скоростью и эффективностью был сформирован список инвестиционных проектов и те инициативы, которые вошли в эту программу. Но очень важно сейчас довести это до реального финансирования, чтобы на стадии реализации этой программы у нас не возникли проблемы, которые были в прошлом. Бывало ведь как: государство просит инвестора доказать, будем так говорить, off-take, то есть использование объектов инфраструктуры, строящихся на государственные деньги, а инструментов для того, чтобы, допустим, заключить долгосрочный контракт на потребление электроэнергии, нет, потому что нет соответствующего закона. И получается замкнутый круг: с одной стороны, деньги вроде как на бумаге есть, но использовать их нельзя, потому что нет закона, который позволяет доказать обязательства инвестора по использованию этого ресурса. И так далее.

Поэтому мой посыл в том, чтобы любая нормотворческая системная работа шла в кооперации с Минфином, или, вернее, чтобы Минфин кооперировался с Минвостокразвития, с другими регионами и обеспечивал должные источники финансирования. Понятно, что это нелегкая задача, и вопрос расстановки приоритетов и замещения неэффективных направлений траты государственных средств эффективными направлениями — это его основная функция и, я думаю, основная проблема на сегодня.

А. Любимов:

Может быть, стоило бы сформулировать перечень таких полу-, недо- или меганепрозрачных зон с точки зрения бизнеса, чтобы Александру Сергеевичу было легче прояснить эти все вопросы именно сейчас, когда процесс идет так инициативно?

П. Грачев:

Мы находимся с Александром Сергеевичем и с его коллегами в живом диалоге. Мы вносили ряд инициатив. Во-первых, приведение в действие так называемого 267-го закона — это закон, который ввел ряд налоговых льгот для инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, но в нем существуют некоторые ограничения, которые делают его применение фактически невозможным. Приведу пример: чтобы воспользоваться льготами по данному закону, у предприятия, делающего соответствующую заявку, не должно быть филиалов в других регионах за пределами того, в котором реализуется инвестиционный проект. Зачем это? Не очень понятно. Например, компания Polyus работает в пяти регионах Дальнего Востока, это одно юридическое лицо. Почему, собственно, это юридическое лицо не может воспользоваться льготой в Магадане просто из-за того, что у нас есть филиалы в Иркутской области, в Якутии, еще где-то — не очень понятно. Я сейчас не буду вас утомлять, но там есть целый перечень такого рода технических ограничений.

Второй вопрос. Мы его неоднократно обсуждали с Министерством энергетики, сейчас подключились коллеги из Министерства развития Дальнего Востока. Это уже упомянутая возможность заключения прямых долгосрочных договоров потребления электроэнергии в замкнутых изолированных районах. На сегодня это невозможно. Мы готовы, например, с «РусГидро» заключить пятилетний или десятилетний договор потребления электроэнергии, который будет источником финансирования строительства линии электропередач в Магаданской области. Другая

сторона, «РусГидро», тоже готова заключить этот договор. Мы готовы по этому договору платить ставку, которая позволит окупить этот проект. Но законодательно это на сегодня невозможно. Мы обсуждаем это третий год. Понимаете? Это же смешно! Все согласны. Все понимают, что это нужно. Как же так? Но третий год эта тема буксует. Не нужно ни денег, ничего. Нужно просто снять ограничения.

И таких примеров масса. Так что здесь нужна добрая воля и понимание срочности вопросов.

А. Любимов:

Вроде бы и добрая воля есть, и понимание срочности есть.

П. Грачев:

Понимание срочности, я думаю, недостаточное. Здесь это не прозвучало, но, условно говоря, каждый рубль, вложенный в Дальний Восток сегодня, менее эффективен, чем рубль, вложенный в прошлом году, и более эффективен, чем рубль, который будет вложен в следующем году, потому что макроситуация ухудшается. Коллеги из бизнеса это подтвердят. А количество проектов — рентабельных проектов — на Дальнем Востоке уменьшается. И вложения государства для поддержки этих проектов и для создания условий рентабельности этих проектов увеличиваются. Чем быстрее будут проинвестированы эти проекты, тем лучше для государства: тем меньше будет потрачено. Я вижу это на примере своего опыта работы в Фонде Дальнего Востока. Мы тоже занимались составлением списков и приоритизацией инвестиционных проектов в начале и в конце года моей работы. Так вот, к концу года из двадцати пяти проектов в живых осталось пять. Это был 2013 год, год резкого падения цен на уголь, на золото, на другие природные ресурсы. И люди, с которыми мы разговаривали в начале года, когда их попросили подписать обязывающий документ, просто

сказали: даже если вы в этом году построите нам дорогу, инвестировать в ГОК мы не готовы, потому что с учетом нынешних цен это нерентабельный проект. И это — упущенные возможности.

Покажу на примере нашей компании. Мы сейчас реализуем четыре крупных инвестиционных проекта. В Иркутской области мы за свои деньги — из-за инертности государства — начали строить 200 километров магистральной линии электропередач. Это линия, соединяющая Якутию и Иркутскую область, линия, от которой питается целый Бодайбинский район. Она, конечно, нужна и нам тоже, но это не дело компании. Мы начали это делать в начале 2013 года. В этом году мы бы этого уже не стали делать. Мы сейчас это доделываем просто потому, что бóльшая часть уже проинвестирована. В этом году мы бы этого не сделали. И коллеги знают, что мы реализуем проект строительства Наталкинского ГОКа в Магаданской области. Так вот, там тоже нужна линия электропередач. Но в Магаданской области мы ее строить не будем — не потому, что не хотим, просто мы проект не потянем, экономика не работает. Хотя четыре года назад это было еще возможно, при ценах в 1800 долларов за унцию, потому что это окупалось. Бизнес рассуждает не по тем принципам. Если мы можем себе это позволить, и это в конечном итоге оборачивается рентабельным проектом — да бог с ним, что это государственная линия и от нее будет питаться еще и муниципальное образование. Не проблема. Лишь бы наш проект окупался. Но когда проект не окупается, мы, конечно, этого делать не будем.

Так что макротренд, к сожалению, не в нашу пользу и не в пользу государства. Я уже не говорю о том, что уже не на макро-уровне, а на уровне страны у нас увеличивается количество внутренних конкурентов: у нас появляется Крым, появляются другие регионы, нуждающиеся в государственной поддержке. И если мы сейчас упустим момент, то может так оказаться, что кормить и поддерживать будет некого.

Мне кажется, решения и действия новой команды, нового руководства региона крайне своевременны. Я очень надеюсь, что Министерство финансов, от которого очень многое зависит в успехе этих инициатив, действительно поддержит их и поймет.

А. Любимов:

Большое спасибо, Павел Сергеевич, спасибо за честность.

Очевидно, что даже в условиях Дальнего Востока есть регион, который уж совсем не избалован вниманием, и ему придется конкурировать со своими соседями, как и всему Дальнему Востоку — с другими федеральными проектами.

Я хотел бы предоставить слово Губернатору Магаданской области Владимиру Петровичу Печеному.

В. Печеный:

Большое спасибо.

Уважаемые коллеги, уважаемые друзья!

Прежде всего, очень прошу вас отстраниться от возможных ассоциаций при упоминании Магаданской области (Колыма и слово «зона», которое сегодня часто звучит). Я хотел бы сказать буквально несколько слов о том, что сегодня нас волнует. Хочу подчеркнуть, что если говорить о мерах государственной политики, обо всем том, что должно привлечь инвесторов и способствовать реализации крупных или не очень крупных инвестиционных проектов, то для нас, руководителей органов исполнительной власти, и для меня лично важнее всего сохранить людей на нашей территории. Сегодня в Магаданской области, на огромной территории в 500 тысяч квадратных километров, проживает всего 150 тысяч человек, и, к сожалению, отток продолжается. Мы должны это остановить, мы обязаны сделать Дальний Восток территорией для людей, это наша,

наверное, важнейшая задача. И все, что мы делаем для того, чтобы сегодня на наших территориях были реализованы инвестиционные проекты, направлено на создание нормальных условий для жизни людей, которые верны Северу, верны Северо-Востоку. Поэтому нас, безусловно, не может не радовать то, что уже принятые решения, в частности, создание Минвостокразвития, являются для нас важным фактором поддержки. Нам важно сегодня консолидировать усилия руководителей всех территорий Дальнего Востока, и это сегодня делает Министерство. Я лично — и мои коллеги, надеюсь, тоже — рассчитываем на то, что напористость, с которой сегодня работает Минвостокразвития, даст возможность гораздо быстрее решить те вопросы, которые сегодня были озвучены.

Я не стану долго говорить, приведу только один пример. Он связан с реализацией крупнейшего инвестиционного проекта, с созданием крупнейшего предприятия по добыче золота, которым сейчас занимается компания Polyus Gold, и вообще с той важнейшей проблемой, которая раньше не давала региону возможности развиваться. Магаданская область была и остается территорией, где действует Закон об особой экономической зоне. К сожалению, в последние годы — с 2007 года — он и в самом деле был неэффективным: по инициативе Минфина были приняты решения, в результате которых из закона было убрано практически все то, что давало инвестору возможность считать наш регион привлекательным для реализации своих проектов. Я благодарен Министерству по развитию Дальнего Востока, которое поддержало нашу инициативу и мое обращение к Президенту Российской Федерации по продлению режима особой экономической зоны в Магаданской области на последующий период с возвращением тех инструментов, которые были для нас важны. Это и НДФЛ, и другие налоговые послабления, которые делали закон более действенным и эффективным в то время, когда он только вступил в силу, и

сделают его таким, каким я надеюсь его увидеть, к началу следующего года.

Конечно, отсталость в развитии инфраструктуры Магаданской области делала и делает ее непривлекательной для инвесторов, несмотря на колоссальный ресурсный потенциал. Для примера, Polyus Gold уже инвестировала огромные деньги в создание крупнейшего предприятия, на котором могут (я надеюсь, и будут) работать более 2,5 тысяч человек, Создано более 2,5 тысяч новых рабочих мест. Конечно, это очень важно для нас. Но сегодня невозможно думать о будущем этого предприятия, о второй и третьей очереди — в планах, по крайней мере, это добыча 50 тонн золота в год; сегодня в Магаданской области добывается всего 21 тонна, правда, мы растем. Однако мы должны понимать, какова перспектива. Для государства важно видеть перспективу: что это даст стране, что это даст региону. Сегодня на территории Магаданской области имеются свободные энергетические мощности (две гидроэлектростанции, одна из них — Усть-Среднеканская ГЭС — строится при поддержке государства), которые нужны в том числе и Наталкинскому месторождению. Но мы не можем передать туда электроэнергию, потому что нет линии.

Я знаю, что этот проект попал в число привлекательных проектов, включенных в программу. Государству необходимо вложить всего 5—10 миллиардов, чтобы построить нужную линию электропередач, причем нужную не только для этого предприятия. У нас есть целая Яно-Колымская золоторудная провинция, девять потенциально привлекательных крупнейших месторождений на территории Магаданской области, четыре на территории Якутии. Построив эту линию, мы создадим предпосылки для развития всей этой территории для людей, живущих там, для инвесторов, которые могут туда прийти. Естественно, когда мы на протяжении нескольких лет не могли и не можем найти источников... Я абсолютно согласен, с тем, что если инвестор уже вложил колоссальные деньги,

сказать ему сегодня: «Постройте эту линию электропередач за свои деньги», будет неправильно, несправедливо и нечестно — ведь линия нужна не только этому предприятию, она нужна для развития всей территории.

Я привел этот пример только для того, чтобы пояснить: мнение о необходимости вложения государственных средств в развитие инфраструктуры, которое сегодня сформулировано Минвостокразвития, — это, безусловно, важнейшая база для того, чтобы инвестор пришел к нам, особенно если использовать инструменты, которые уже предложены Минвостокразвития, на территориях опережающего социально-экономического развития. В нашем случае это работа в режиме особой экономической зоны, действие которой теперь будет продлено до 2025 года. Это позволит сделать самое важное, без чего развитие Дальнего Востока невозможно. Мы должны общими усилиями поддержать развитие инфраструктуры, чтобы это огромное непаханое дальневосточное поле стало привлекательным для наших инвесторов.

Я их не делю на наших и не наших: безусловно, нам важно, чтобы к нам шли и иностранные инвесторы, в частности, из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые давно и абсолютно правильно понимают, что Дальний Восток им интересен. И это происходит. Для примера хочу сказать, что компанией «РусГидро» подписано соглашение с японской компанией Kawasaki на строительство в Магадане завода по производству сжиженного водорода. Это инновационное производство, которое тоже требует электрической энергии, и она у нас есть. Ее нужно просто подвести в нужное место, и это даст результат.

Поэтому наша позиция, позиция Минвостокразвития и вице-премьера Юрия Петровича Трутнева такова: нужно изменить ситуацию и, не откладывая, оказать Дальнему Востоку системную поддержку.

Что касается региональных властей — и коллег, которые здесь присутствуют, и других, — то на местном уровне в число возможных мер, которые сегодня позволяет нам законодательство, входит и снижение региональных налоговых ставок. Александр Сергеевич абсолютно правильно сказал: мы готовы предоставлять инвесторам любые льготы. Надо понимать, каким образом мы возместим источники наших доходов. Нам нужно обеспечивать жизнь людей на территории — нормальную человеческую жизнь. Именно об этом Александр Сергеевич только что говорил.

Приведу еще один пример. Конечно, важнейшей для нас является социальная инфраструктура, и мы ожидаем, что те дополнительные источники доходов, которые мы получим от работы новых предприятий, дадут нам возможность самим ее обеспечивать. Но сегодня, на этапе создания необходимой базы и развития социальной инфраструктуры и тех инфраструктурных проектов, которые важны для привлечения инвестиций, мы хотели бы ощутить поддержку государства.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сегодня мы очень часто упоминали Минфин, в деятельности которого господствует принцип «Не дать, не дать!»

А. Любимов:

А мы их потому и не упоминали.

В. Печеньй:

Такая ситуация требует совместных действий, и я думаю, что это получится.

А. Любимов:

Коллеги, у кого-то есть вопросы, комментарии? Если вы позволите, я уточню одну вещь, а потом предоставлю вам слово. Владимир Петрович, я хотел бы связать три выступления, прежде чем мы перейдем к дискуссии. Обращаю к Вам вопрос. Павел Сергеевич говорил, что привлекательных проектов становится все меньше, поскольку наше государство формирует эти возможности очень медлительно. Александр Сергеевич говорил, что, когда он пришел и осмотрел свое хозяйство, оказалось, что у него Фонд за два с половиной года не сделал ни одного инвестиционного проекта. Вот когда у Вас deadline дороги жизни? Когда она должна начать строиться, чтобы ваш регион стал территорией опережающего развития?

В. Печеный:

Вчера.

А. Любимов:

Это понятно. У нас всегда — вчера. Но русские люди — они же... Нам нужны задачи, которые никто не может реализовать.

В. Печеный:

С точки зрения конкретной ситуации, абсолютно понятно, что все то, что сделано к сегодняшнему дню, позволяет начинать работу предприятия уже сегодня. Но это, безусловно, должно быть сделано в ближайшие два года.

А. Любимов:

Хорошо. Два года.

Если можно, представьтесь.

С. Колесников:

Добрый день. Сергей Колесников, компания «Технониколь», мы занимаемся строительными материалами. Естественно, я поддерживаю всех спикеров. В частности, мы строим завод в Хабаровске, и я еще раз скажу, что мы экспортируем строительные материалы в Китай и в Индию, хотя многие этому не верят: строительные материалы — в Китай?! Да, мы экспортируем в Китай строительные материалы. Это возможно: мы можем делать общестроительные материалы или продукты для коммунального хозяйства и экспортировать их даже в страны АТР — это все реальность. И вот я живой человек, и я ответственно заявляю, что мы это делаем.

Позволю себе краткий исторический экскурс. Может быть, я ошибаюсь, но я читал историю нашей страны. Если помните, с конца 16 века наш небольшой российский народ (по-моему, 3—5 миллионов человек) буквально за два столетия занял территорию от Волги до Аляски. Представляете, какую территорию мы завоевали за два столетия! Это было какое-то пассионарное движение нашей страны. Я увлекаюсь историей и заметил, что, в принципе, сами цари были к этому не готовы. Я не думаю, что кто-то из наших царей в то время ставил себе такие задачи и цели. Я нашел в этой истории очень простую вещь: сами русские люди, особенно беглые, заселяли эту территорию, и хотя воеводы получали приказы от царей не отпускать беглых, беглые осваивали новые места и жили там.

Я и сам два года не могу получить некоторые земельные участки в городе Хабаровске, и у меня есть такое революционное предложение: нельзя ли считать всю территорию Дальнего Востока территорией опережающего развития? Всю, целиком. Мы же взяли и захватили всю территорию от Урала до Аляски за два столетия, не спрашивая царей. Это, можно сказать, исторический факт.

Второй момент. В Градостроительном кодексе (опускаюсь с небес на землю) у нас 235 процедур. Сейчас обсуждается законопроект, связанный с сокращением их числа до 134. Кажется, прогресс есть. Но и 134

нормативные процедуры означают, что разрешение на строительство мы будем получать целый год. Мне кажется, это тоже много.

Может быть, и градостроительную политику на Дальнем Востоке нужно сделать опережающей, потому что майнинги не будут жить, если не будут развиваться города. Я бы предложил вообще сформулировать десять основных позиций (градостроительное планирование, коммуникация, дороги, безопасность и экология), сжать их количество очень сильно. Ну, еще пять без меня придумаете. Уверен, что чиновники придумают, потому что я, конечно, представляю себе не весь механизм работы государственного аппарата. Ведь, в принципе, мы застраивали всю Сибирь без этих правил. Не было 235 правил для наших предков, и они эту территорию заселили.

В данном контексте я поддерживаю независимость управления, потому что при нынешних правилах — я в АСИ тоже заседаю — количество законопроектов безумное, споров много и мы все делаем очень медленно. Так что я не вижу другого способа, кроме как высвободить энергию людей, дать им возможность застраивать территорию. Сама история, наш опыт подсказывает это решение. Мы же это делали четыре столетия назад исключительно за счет активности населения. И мне кажется, надо действительно высвобождать эту активность, убирая бюрократические надстройки. Большое спасибо.

А. Любимов:

Печальные исторические выводы: захватить мы можем, а воспользоваться не можем. Хорошо, Аляску отдали: это сейчас один из богатейших регионов США и крупнейший региональный бюджет, и никто в администрации Обамы не пытается сделать Аляску территорией опережающего развития.

Да, пожалуйста. Потом Вы.

С. Калашников:

Сергей Калашников, Государственная Дума. У меня вопрос, наверное, сразу к Александру Сергеевичу, к Вам, Павел, и к губернатору.

Я не хочу никак комментировать вопрос, который задавал предыдущий товарищ. Кстати, я хочу сказать, что мне, Александр Сергеевич, очень понравился Ваш взгляд на ситуацию. Но у меня такой вопрос. Представьте себе, что государство ушло. Или в таком варианте, как предлагается, или в каком-то другом, экономическом. Скажите, пожалуйста, существует ли на Дальнем Востоке внутренний потенциал, который позволил бы, отгородившись от всех, поднять экономику исключительно за счет саморазвития (естественно, с привлечением западного капитала, без этого невозможно), исходя только из своих ресурсов, из своего законодательства и так далее. То есть тот же вопрос, что задавал предыдущий коллега, но только с совершенно философской, абстрактной точки зрения.

Спасибо.

А. Любимов:

Как в фильмах про Дикий Запад?

С. Калашников:

Остров Дальний Восток, грубо говоря.

А. Любимов:

Если бы не было государства, я бы все сразу вложил бы и уехал туда — если бы только его не было.

С. Калашников:

Но, Александр, Вы же знаете, что это не так просто.

А. Любимов:

Так в чем вопрос-то?

С. Калашников:

У меня вопрос действительно обобщенный. Представьте себе, что Дальний Восток от всех отгородился. Остров Дальний Восток. Имеются ли на сегодняшний день душевные силы и ресурсы для того, чтобы самим подняться с колен?

А. Любимов:

Ну, я не знаю, к кому этот вопрос. Вообще русские — высокодуховный народ, почему бы нам?.. Да, вопрос к директору острова, совершенно верно. Если директором острова будет Александр Сергеевич, то думаю, что да.

А. Галушка:

Это не ко мне. Спасибо, коллеги.

На самом деле прозвучало несколько связанных между собой идей и тезисов. По поводу последнего заданного вопроса: слово рождает мысль, мысль рождает действие. Так что нам не надо даже думать в эту сторону. Не надо думать о Дальнем Востоке изолированно. Это Россия.

Более того, люди, которые там живут, — они еще крепче, еще сильнее ощущают свою идентичность. В силу объективных факторов. Они видят свое окружение из стран Азии, даже на бытовом уровне, и понимают: но мы-то, мы — это все-таки мы. Я русский, я не китаец, я не представитель другой нации. Я русский. Это достаточно очевидно. Кстати, наше движение в сторону стран Азии, восточный вектор в Азиатско-Тихоокеанский регион на самом деле имеет и культурное, ценностное измерение, потому что, двигаясь в этом направлении, мы уж точно укрепляем свою национальную

идентичность. Хочу обратить внимание: в отличие от Европы страны АТР точно возрождаются и развиваются как национально идентичные, и от своей идентичности они не собираются отказываться. Мы видим, что в Европе этот отказ фактически произошел. Отказ происходит не только от национальной — даже от половой идентичности. Мы это видим. Так вот, в Азии он не происходит. И понимание того, что нужно разумное сочетание исторической преемственности, современности и конкурентоспособности, пронизывает все стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Там никто одно другому не противопоставляет. Меня всегда удивляет — почему мы одно другому противопоставляем? Это синтезировать нужно.

Отвечу на Ваш вопрос так: во-первых, не надо мыслить изолированно. Во-вторых, приведу пример. Проводили мы саммит АТЭС. Разве мог бы Приморский край сам провести саммит АТЭС, сам построить эти мосты, эту инфраструктуру, построить кампус Дальневосточного федерального университета? Да никогда. Это с одной стороны. С другой стороны, по поводу того, о чем Вы говорите: чтобы государство ушло. На мой взгляд, я свою позицию высказал. Вот мы любим крайности: либо все зарегулировать, либо все отменить. Отменили какую-то законодательную норму, что-то упало — теперь все жестко зарегулируем. Но почему? На мой взгляд, не надо мыслить крайностями. Есть критерий принятия управленческого решения, в том числе государственного: конкурентоспособность. Участие государства должно быть не большим и не маленьким, а разумным, достаточным и конкурентоспособным. Оно должно быть умным. Главный вызов таков: нашей системе госуправления нужно наконец научиться управлять развитием.

У нас были нулевые годы, которые очень многих дезориентировали: тогда был рост без развития, рост, который возник не потому, что мы вложились в это развитие, а потому что нам повезло с конъюнктурой на энергоносители. И это десятилетие, когда был возможен рост без развития, породило

иллюзию, что можно расти и дальше без развития. А реальность сегодняшнего дня безальтернативна: расти без развития невозможно. А развитием еще надо научиться управлять. Это не управлять распределением денег из бюджета, это другая компетенция — научиться управлять развитием. В управлении развитием, на мой взгляд, главное — три вещи: риск, инвестиции и конкурентоспособность.

Если мы хотим управлять развитием, мы должны понять, что государству надо идти на риск. Да, риск должен хеджироваться, мы должны принимать разумные меры, чтобы застраховаться, но какое может быть развитие без риска? Рисковать тоже нужно научиться. Все успешные сегодня регионы (Калужская или Ульяновская области) тоже рисковали. Они все рисковали! Губернатор каждого из этих регионов ставил на кон свое политическое будущее. Разве Калуга не рисковала? Когда не было денег в бюджете, она брала кредит в ВЭБе, чтобы создать инфраструктуру для инвестора.

Павел говорил про Минфин, про бюджет. Риск инвестиций и конкурентоспособность — это входит в государственную систему управления развитием. Нам нужны инвестиции в развитие, бюджетные инвестиции в расширение налоговой базы. Это просто другой взгляд даже на бюджет. Не просто на вещи, а на бюджет. Надо научиться делать бюджетные инвестиции в расширение налоговой базы.

Мы отобрали проекты, которые сейчас погрузили в ФЦП. Все же очень просто, предельно очевидно! Мы либо находим эти 130 миллиардов рублей, вкладываем их и получаем 2 триллиона инвестиций. Либо не находим — и не получаем. И соответствующие налоги не получаем. Вот и вся история. Без инвестиций, без риска не будет развития, не будет экономического роста.

А. Любимов:

Спасибо. На мой взгляд, всем очевидно, что наше государство всегда выбирало простые решения. У нас в окружении первых лиц всегда было плохо с людьми, которые умеют, что называется, работать ручками, то есть разбираться в мелочах, а развитие и промышленная политика требуют работы с деталями. Надеюсь, что Вы, Александр Сергеевич, усилили команду этих замечательных людей. Хотелось бы, чтобы их было побольше.

Коллеги, я сожалею, что наше время идет так быстро, а время для Дальнего Востока идет, как выяснилось, даже быстрее, чем для других регионов. Но четыре человека, которым я обещал дать слово, получают возможность выступить — я прошу, давайте в режиме блица. Прошу Вас.

Ф. Туркин:

Здравствуйте. Туркин Федор, «РосСтройИнвест», Петербург. Александр Сергеевич, мы хоть и средний бизнес, но задумываемся о том, как сохранить человеческий ресурс в Петербурге, во всей России, как привести этот потенциал в том числе на Дальний Восток. С кем можно поговорить на эту тему? Не сейчас, а в рабочем порядке. Мы с коллегами готовы подъехать в Министерство и начать разговор. У нас есть некоторые соображения — не хочу сейчас это обнародовать, а поговорить в рабочем порядке займет тридцать минут. А потом просто построить работу.

А. Галушка:

Спасибо, мы будем очень признательны за Ваше предложение, тем более что в структуре Министерства мы создали специальный департамент «Управление человеческим капиталом и развитие трудовых ресурсов». Спасибо.

А. Потиевский:

Первый вице-губернатор Камчатского края Потиевский Александр Михайлович. У меня, в порядке блица, вопрос к депутату Калашникову. Пожелание от жителей Камчатки: перестаньте играть со временем. В три часа дня мы не можем водить детей гулять, как в старые добрые времена, когда начали вот эти эксперименты. Жители Камчатки все это очень подробно описали. Приглашаем в гости, если опять начнутся телодвижения. Со временем рисковать не надо. Это пожелание.

Ну, и пожелание: жители края сегодня не первопроходцы, они последователи. Да, надо поддержать нас в этой нелегкой борьбе с управлением, особенно с управлением без денег. Что бы ни говорили, деньги важны. Для нас очень важно, чтобы Правительство в лице Министерства финансов — о нем на Форуме только ленивый не говорит, мы понимаем все проблемы, — поддержало наше Министерство.

Еще есть один миф во всех программах, которые мы выполняем. Нам почему-то всегда стыдно, что мы занимаемся сырьем. Не знаю, кто сказал, по-моему, американцы: хорош тот бизнес, который ты можешь делать. Сырье — это не стыдно. Просто нужно увеличивать объемы высокотехнологичной переработки этого сырья и правильно направлять эти процессы. Вот мое пожелание.

А. Любимов:

Ну, у нас только с высокотехнологичной переработкой так себе, а вообще мы энергетическая супердержава.

Пожалуйста.

С. Габестро:

Большое спасибо. Габестро Сергей Владиленович, «Деловая Россия», Национальная ассоциация институтов закупок. У меня такой вопрос к присутствующим: как сегодня соотносится политика государства по

управлению и развитию, о которых Вы говорите, и политика государства по антимонопольному регулированию, когда в Федеральной антимонопольной службе сегодня у нас занято 3200 человек? Это больше, чем G-20, по количеству сотрудников. Количество дел в прошлом году — 59 тысяч, это больше, чем во всех остальных странах мира. И больше 50% фигурантов этих дел — это малый и средний бизнес. Простой вопрос.

А. Любимов:

Боюсь, некому ответить... Хотите прокомментировать, Александр Сергеевич?

Тогда еще один вопрос. Да, пожалуйста. Это была, скорее, реплика...

Я прорекламирую, что у меня будет еще одна панель по госзакупкам, и я надеюсь, просто требую, чтобы пришел представитель ФАС, потому что разговор с ними, конечно, будет очень интересный, если они придут.

Д. Рябов:

Александр Сергеевич, вопрос к Вам. Как я понимаю, проведена огромная работа по детальному изучению проектов как таковых. Но я хотел бы, чтобы Вы в двух словах приоткрыли нам, как видится министерству и Вам лично — может быть, есть какие-то коллегиальные решения, вводные руководства страны — каким все-таки будет развитие Дальнего Востока, что мы там увидим? Расселение вдоль границ? Укрупнение существующих городов и, например, вахтовый метод работы? Может быть, строительство новых городов? Во что будут сплетены те инвестпроекты, которые вы сейчас изучаете и будете изучать? Это очень кропотливая работа. Что это будет?

И второй короткий вопрос — Байкальский регион. У нас создан Фонд и Дальнего Востока, и Байкальского региона — это компетенция вашего министерства или нет? Соответствующая госпрограмма у нас есть.

А. Любимов:

Александр Сергеевич, у меня просьба, чтобы два раза слово Вам не давать, ответить на этот вопрос уже в форме заключительного слова — ну и, собственно, поделиться соображениями по результатам нашей работы.

А. Галушка:

Спасибо. Я даже попробую обобщить. Я внимательно просмотрел то, о чем мы с вами говорили, и на мой взгляд, есть несколько ключевых смыслов нашей дискуссии.

Первое — это дефицит экономической свободы. Ее нужно больше. Нашей экономике нужно больше воздуха, больше свободы. И то, что мы хотим сделать на Дальнем Востоке, когда хотим создать территории опережающего развития, когда штучно работаем над поддержкой проектов, над снятием накопившихся проблем, раскрытием потенциала, который в них заложен, — речь об этом. Больше экономической свободы. Вот ее и не хватает. А производит эту свободу в самых разных сферах во многом именно государство. И часто мы на Дальнем Востоке видим проблему в дефиците конкуренции и дороговизне, связанной именно с этим. А что за этим стоит? Когда начинаешь разбирать тот или иной острый случай, выясняется, что административный ресурс душит экономическую свободу и лишает конкуренции регионы и отрасли, порождая дороговизну, которую оплачивает бизнес и население.

Вот у Александра прозвучала такая яркая мысль: мы можем захватить, но не можем освоить. Я позволю себе не согласиться. У нас в истории есть другие примеры. Столыпинские реформы, когда мы не просто успешно осваивали территории, а через пять лет, на которые нам дали экономическую свободу (в этом и состоял весь стержень реформ: дали людям свободу, дали возможность для предпринимательства, дали возможность развиваться, стать деловыми людьми) — через пять лет из

Томска во Францию стали сыр экспортировать! Во Францию — сыр из Томска! За пять лет экономической свободы.

На мой взгляд, в нашей истории есть фрагменты, которые можно сделать правилом. Можно рассматривать и последние 35 лет развития Китая как исключение. Но это просто новый этап развития. И если мы найдем в своей истории такие примеры, на которые можно опереться, и поймем, что мы способны продуцировать такое развитие, оставаясь самими собой, — на мой взгляд, в этом тоже заложена устойчивая опора: мы можем это делать, у нас это все может получаться.

И последнее, что в этой связи хочу сказать. Вот прозвучала очень интересная оговорка: «чиновники придумают». Очень точное высказывание. На мой взгляд, на госслужбе, работая в госаппарате, не надо заниматься сочинительством. Давайте сочиним закон, сочиним какое-то регулирование, сочиним какую-то нормативную базу... Создавая территорию опережающего развития, мы пошли от проектов, от анализа этой конкретной территории. Мы разработали сам законопроект, который теперь обсуждаем с инвесторами, с теми, ради кого он создается. Вам это нужно? Вам нужны эти опции? Вот так нормально будет в законопроекте или нет?

Мы уже имеем обратную связь и от японских, и от корейских инвесторов. Вот и посол Южной Кореи к нам присоединился. Они говорят: если такой законопроект будет принят, это будет новая страница истории отношений иностранных инвесторов с российским Дальним Востоком. Так что, не нужно заниматься сочинительством, давайте отталкиваться от реальных проблем... Вот коллега задавал вопрос: а как вы видите глобальную картину? На мой взгляд, проблема еще в том, что мы привыкли сочинять сверху. Давайте пойдем снизу — от конкретных проектов, от инициатив инвесторов, от инициатив граждан, от интересов иностранных инвесторов. И потом уже будем обобщать эту картину, корректировать ее, уточнять, может быть, сдвигать в нужную сторону. На мой взгляд, первично именно

это, а не очередная фантазия в виде какой-то очередной социальной утопии на триллионы рублей, на которую потом еще и денег никто не даст. Вот мы стараемся поступать именно так, точно могу сказать. Наверняка у нас далеко не все получается, но мы стараемся в своей работе руководствоваться именно такой фокусировкой, таким подходом.

А. Любимов:

Большое спасибо всем участникам, спасибо нашим замечательным панелистам. Мы сегодня увидели три точки зрения. Мы не просто желаем Александру Сергеевичу удачи, а все кулачки держим и пальцы скрещиваем, чтобы у него все получилось, чтобы таких энергичных людей в наших федеральных органах власти было как можно больше.